

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

К. Вейсманъ-Гр.

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.
 безъ дост. . . . 5 » — »
 На полгода . . . . . 3 » 50 »
 На три мѣсяца . . . . 2 » — »

Редакція: Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Помпея. (Изъ путешествій по Ита-
 ліи). Е. Вороздиной. — II. Эподъ. (Стих.). Н. Верга. —
 III. Церковный сторожъ. В. Огаркова. — IV. Корал-
 ловый островъ на Тихомъ океанѣ. А. С—вой.

ПОМПЕЯ.

(Изъ путешествій по Италиі).

ПОМѢ богато убранныхъ залъ, въ термахъ были и
 очень скромныя помѣщенія для женщинъ и рабовъ.
 Женщины древняго міра не пользовались никакимъ
 особеннымъ почетомъ, ихъ считали тоже рабами отцевъ, му-
 жей и только христіанская религія подняла женщину и дала
 ей мѣсто въ обществѣ и семьѣ.

Впереди зданія, у главнаго входа въ термы, находился большой дворъ, окруженный колоннадою, къ которой примыкали различныя комнаты. Всѣ стѣны этихъ комнатъ были покрыты самыми разнообразными объявленіями, въ которыхъ сообщались всевозможныя новости—это было нѣчто въ родѣ нашихъ газетъ, наклеенныхъ на стѣны. Небольшой дворъ примыкалъ къ термамъ; въ этомъ послѣднемъ, въ настоящее время разведенъ прелестный садъ, входъ въ который запрещенъ.

Осмотрѣвъ бани, мы пошли далѣе по улицѣ Термъ и остановились передъ домомъ Панзы. Это одинъ изъ наилучше сохранившихся домовъ Помпеи и мы пошли его осматривать, тѣмъ болѣе, что по немъ мы можемъ судить о внутреннемъ расположеніи и убранствѣ домовъ богатыхъ и знатныхъ помпеянцевъ. Пространство, занимаемое этимъ домомъ, очень велико, такъ какъ онъ выходитъ на нѣсколько улицъ; тутъ же видны и лавки, принадлежавшія дому, равно какъ и наемныя квартиры. У входной двери, у самаго порога, на тротуарѣ, видна мозаичная надпись *Salve*. Дверь съ улицы ведетъ въ узкій корридоръ *protirum*. Дверь должна была быть деревянной: она сгорѣла. Надъ дверью маленькое окно, освѣщавшее протирумъ. Римляне считали непременною обязанностью переступить порогъ дома правою ногою, входить въ домъ лѣвою считалось не только неприличнымъ, но и худымъ предзнаменованіемъ. Въ протирумѣ было помѣщеніе для швейцара, должность котораго исполнялъ рабъ, нерѣдко прикованный къ дверямъ для того, чтобы онъ не могъ оставлять ихъ. Впрочемъ, часто вмѣсто раба держалась собака и иногда на порогѣ дома просто дѣлалось изъ мозаики ея изображеніе. Такую мозаику можно видѣть въ неаполитанскомъ музеѣ.

Изъ протирума входили въ атриумъ, большой дворъ, окруженный крытой галлереей. Посреди атриума всегда стоялъ на полу бассейнъ, назначенный для дождевой воды, стекавшей съ крышъ, и уходившей чрезъ особое отверстіе

въ водохранилище—цистерну. Вслѣдствіе изверженія Везувія, всѣ балки, поддерживавшія черепичную крышу, сгорѣли и она обрушилась, но по уцѣлѣвшимъ колоннамъ и стѣнамъ можно отлично судить о дальнѣйшемъ расположеніи комнатъ. Выйдя изъ протірума въ атриумъ, видишь съ обѣихъ сторонъ маленькія комнаты—спальни, гдѣ стояли деревянные и бронзовыя кровати, совершенно сходныя съ нынѣшними кроватями, однакоже, въ большинствѣ случаевъ, онѣ были сплошныя каменные. За спальнями шли пріемныя комнаты: съ каждой стороны было по одной такой комнатѣ. Эти послѣднія были очень богато и роскошно убраны, уставлены диванами и скамьями. Здѣсь принимались знакомые. Большая зала, отдѣлявшая атриумъ отъ другой такой же комнаты, называлась *tablium*, въ ней хранились изображенія предковъ, сдѣланныя изъ воску, и всѣ семейные документы; тутъ же домовладѣлецъ принималъ своихъ кліентовъ и занимался дѣлами общественными. Налѣво отъ табліума была бібліотека, которая, къ несчастью, вся погибла. За бібліотекою былъ корридоръ, ведшій во вторую половину жилища, въ перистиль. Перистиль былъ садъ, окруженный крытой колоннадою, часто за перистилемъ былъ другой садъ или огородъ. Посреди перистилия находился бассейнъ съ фонтаномъ *piscina* и перистиль обыкновенно составлялъ самую изящную и роскошную часть дома, гдѣ развивалась вся внутренняя, семейная жизнь помпеянца, и выказывалось все богатство и вся роскошь домовладѣльца. Это былъ помпеянскій гинекей. Здѣсь жены работали въ ожиданіи мужей и отцевъ, которые, кончивъ свои публичныя занятія, приходили отдыхать въ свою семью. Тутъ тоже были спальни, *triclinium*, столовая, кухня, погреба и пр. Такъ были расположены нижніе этажи домовъ Помпеи, о верхнихъ же этажахъ сказать ничего нельзя, потому что всѣ они разрушились, но, повидимому, они были очень легкой постройки, деревянные и служили для помѣщенія женщинъ и отдавались въ наймы. Послѣднее случалось рѣдко, такъ какъ считалось неприличнымъ жить

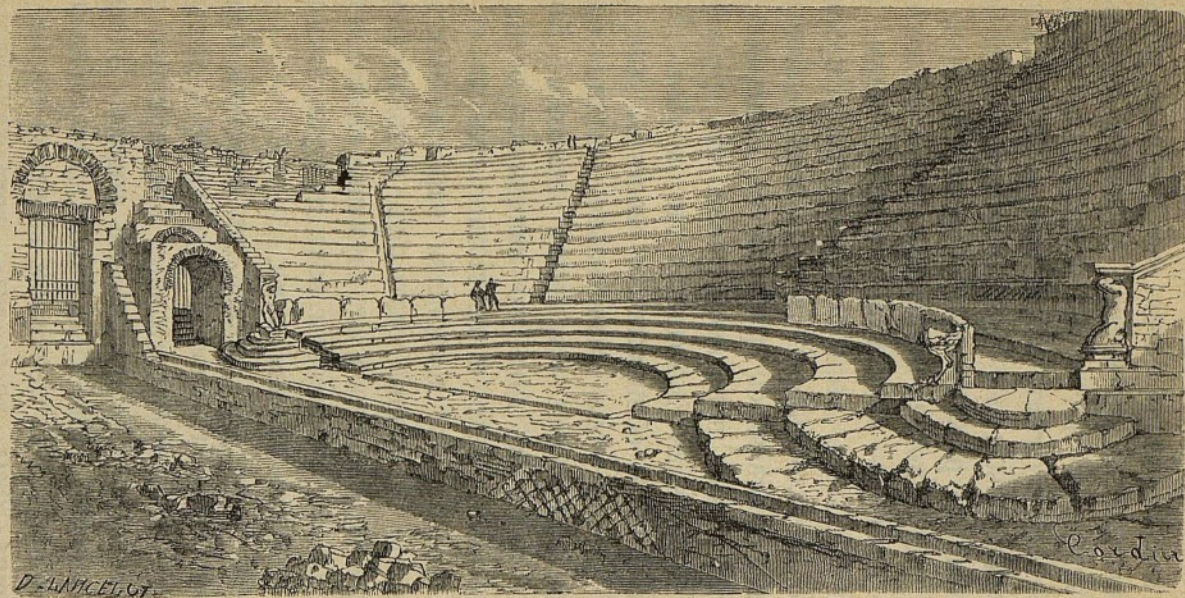

въ наемныхъ квартирахъ, и люди небогатые покупали дома въ складчину, или выстраивали ихъ на общія деньги.

Такъ какъ мы осмотрѣли домъ, то вспомнимъ при этомъ и домашнюю жизнь римлянъ, о которой мы отчасти можемъ судить по найденнымъ въ Помпеѣ вещамъ, хранящимся въ неаполитанскомъ музеѣ. Тутъ мы видимъ величайшее разнообразіе кухонной утвари, что доказываетъ, что помпеянцы, подобно всѣмъ римлянамъ, любили хорошо покушать и задавать пиры. Тутъ же можно видѣть много разнообразныхъ свѣтильниковъ, чашъ и пр. Кромѣ того, найдено множество драгоценныхъ украшеній, которыя носились какъ обитательницами, такъ и обитателями Помпеи: серьги, кольца, ожерелья, браслеты и пр., отдѣланные весьма изящно.

Я уже говорила, что какъ мужчины, такъ и женщины любили щеголять и очень занимались своимъ туалетомъ. Римская госпожа, проснувшись, щелкала пальцами (у насъ звонять въ колокольчикъ), на этотъ зовъ являлась рабыня или служанка и начинался туалетъ. Хотя одежда римлянокъ была очень не сложна, однакоже туалетъ продолжался долго. Одна изъ служанокъ приготавливала румяна и натирала ими лицо своей госпожи, потомъ подкрашивала ей рѣсницы и брови,—послѣднія она должна была искусно вывести черною дугою. Послѣ такой разрисовки лица своей госпожи, она же чистила ей зубы особеннымъ порошкомъ и, наконецъ, натирала все лицо ея бѣлилами. Служанка эта называлась косметою. Послѣ косметы являлась орнатрикса, на обязанности которой лежало причесать госпожу. Римлянки красили свои волосы въ свѣтлые цвѣта, и даже носили парики. Прически были необыкновенно высоки и подерживались большими, длинными булавками, которыми очень часто разгнѣванная барыня колола руки и плечи своей неловкой орнатриксы. Причесавшись и посмотрѣвшись въ зеркало,—зеркала въ то время дѣлались не изъ стекла, но изъ металла, большею частью изъ серебра, хорошо отполированного,—римская госпожа поручала свои ноги и руки осо-

АМФИТЕАТРЪ.

бой служанкѣ, которая обрѣзывала и поправляла ей ногти. Эта послѣдняя операція требовала много времени и ловкости, такъ какъ ножницъ тогда еще не было, и все это дѣлалось ножичкомъ и щипчиками. Мужчины поручали стричь и поправлять свои ногти цирюльникамъ и парикмахерамъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ заправляли всѣмъ ихъ туалетомъ; ихъ называли tonsor: они брили, стригли, завивали и даже мыли и натирали римлянина душистыми маслами.

Послѣ чистки ногтей начиналось самое одѣваніе госпожи. Для этого являлось множество другихъ рабынь, не смотря на то, что надѣвать было почти нечего. Римлянка надѣвала прямо на тѣло широкій поясъ, поддерживавшій грудь, сверху пояса надѣвалась рубашка съ длинными рукавами; всегда изъ тонкой шерстяной ткани. На рубашку надѣвалась туника, едва доходящая до колѣнъ. Богатыя и знатныя женщины обшивали ее золотою или шелковою бахрамою, отчего она значительно удлинялась. Такая туника поддерживалась скрытымъ поясомъ. Когда римлянка выходила изъ дома, то накидывала очень широкій плащъ, который ловко и граціозно закидывала на лѣвое плечо. Бѣлые бапки довершали нарядъ; носить сандалии для знатныхъ римлянокъ считалось неприличнымъ. Одѣвъ такимъ образомъ свою госпожу, служанка надѣвала ей серьги, ожерелья, кольца и браслеты, какъ на руки, такъ и на ноги, и туалетъ считался оконченнымъ.

Отъ дома Панзы мы пошли къ воротамъ Геркуланума, прошли мимо дома Саллюстія и другихъ; о нихъ говорить нечего, они вовсе незначительны. Мы пришли къ городской стѣнѣ, которая окружала весь городъ. Здѣсь увидали зданіе, служившее когда-то заставою, гдѣ собиралась таможенная пошлина, т. е. деньги за ввозъ въ городъ товаровъ. Тутъ найдены вѣсы, много гирь, какъ каменныхъ, такъ и мѣдныхъ съ различными надписями. На однихъ вѣсахъ написано, что они повѣрялись въ Капитоліи при такомъ-то консулѣ. Значитъ вѣсы Помпеи провѣрялись въ Римѣ. Возлѣ

этого зданія, которое было таможней, видно множество сараевъ, гостинницъ и конюшенъ для прїѣзжающихъ. Городская стѣна очень древней постройки вся сложена изъ большихъ каменныхъ глыбъ, которыя такъ искусно притесаны одна къ другой, что держатся безъ всякаго цемента. Стѣна эта состояла изъ двухъ стѣнъ: внутренней и наружной, послѣдняя была нѣсколько ниже первой и пространство между ними было наполнено землею. Мѣстами на ней возвышались башни въ нѣсколько ярусовъ съ бойницами, а передъ наружной стѣною былъ ровъ. Ясно, что стѣна эта служила защитою города отъ непріятелей. Городская стѣна была разрушена еще ранѣе землетрясенія и служила жителямъ мѣстомъ прогулки. Въ этой стѣнѣ было нѣсколько воротъ, сдѣланныхъ изъ хорошо обтесанныхъ камней, сложенныхъ въ видѣ арокъ; средняя арка была самая большая и запиралась посредствомъ щита, сдѣланнаго изъ толстыхъ досокъ, опускавшихся на желѣзныхъ цѣпяхъ сверху внизъ по желобамъ, высѣченнымъ въ камняхъ. Такимъ образомъ сдѣланы и Геркуланскія ворота, за которыми начинается превосходная дорога, которая еще и въ настоящее время изумляетъ своею прочностью и красотою. Дорога эта вела въ Геркуланумъ и была обсажена прекрасными, густыми деревьями, между которыми видны различные памятники и гробницы: то въ видѣ небольшой колоннады, то портика, то жертвенника, то пьедестала, на которомъ стояла статуя покойника—это было кладбище, гдѣ помпеянцы хоронили своихъ покойниковъ, и которое вмѣстѣ съ тѣмъ служило любимымъ гуляньемъ. Дорога эта или улица называлась Гробничной улицей. Здѣсь еще и теперь видна гробница Маміи, окруженная скамьей съ надписью: *Mamia Pablii filia sacerdoti* и проч. Позади этой гробницы находится колумбарій, окруженный стѣною съ нишами, въ которыя ставились урны съ пепломъ умершихъ. Одинокій кипарисъ осѣнялъ эту гробницу. Многія гробницы украшены богатыми барельефами. На гробницѣ Скавра (*Scavrus*) барельефы изображаютъ бой

гладіаторовъ; надъ каждой фігурой гладіатора написано его имя и число одержанныхъ имъ побѣдъ. Но самая богатая и наилучше сохранившаяся гробница—это гробница Кальвенція, на ней изображены почетные знаки, присвоенные его должности, и другіе очень хорошіе барельефы.

Между гробницами красуются очень изящныя виллы, загородныя дома, кіоски, бесѣдки и пр. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что римляне не хоронили своихъ покойниковъ, но сожигали ихъ, поэтому и кладбище ихъ не представляло тѣхъ вредныхъ міазмовъ, которые такъ пагубно дѣйствуютъ на живыхъ, и живые могли жить около своихъ дорогихъ покойниковъ. Нѣкоторые ученые утверждаютъ, что обычай сожигать тѣла умершихъ былъ принятъ римлянами ради религіозныхъ воззрѣній, именно, чтобы дать душѣ покойника возможность скорѣе оставить тѣло и соединиться съ общимъ міромъ. Однакоже, нельзя сомнѣваться, чтобы тутъ не было и другой причины. Римляне были очень образованы и хорошо знали, что въ гігіеническомъ отношеніи испаренія, выходящія при разложеніи труповъ, весьма вредны для живыхъ, и приняли за правило сожигать трупы умершихъ людей. Похороны совершались съ извѣстной церемоніей. Какъ только умиралъ римлянинъ, тѣло его отдавалось на руки людей, *palintores*, *vespillones*, *sandapilores*, *ustores*, *austodes*, *cadaverum*. Всѣ эти люди имѣли различныя обязанности и должны были приготовить тѣло къ сожженію. Одни омывали его, другіе натирали благовонными маслами, третьи одѣвали и т. д. Послѣдніе (*cadaverum*) должны были нести покойника въ особое зданіе, гдѣ происходило сожиганіе. Зданіе это въ настоящее время открыто и въ немъ ничего не найдено, кромѣ надписей. Здѣсь тѣло покойника клалось на костеръ, сложенный изъ хорошо воспламеняющагося дерева, и обкладывалось различными душистыми травами; тутъ же клались и вещи, принадлежавшія покойнику: его оружіе, одежда, драгоценности и пр. и все это сожигалось вмѣстѣ съ его тѣломъ. Когда всѣ приготовленія были

окончены, костеръ зажигался, начиналось жертвоприношеніе богамъ, а при похоронахъ знатныхъ и богатыхъ—бой гладиаторовъ. Всѣ присутствовавшіе, въ особенности женщины, должны были громко плакать, рвать на себѣ волосы, для чего и нанимались плакальщицы. Какъ только тѣло сгорало и отъ него оставались кости и пепелъ, то мать, жена и самые близкіе родные умершаго, въ траурной черной одеждѣ, заливали огонь костра виномъ и масломъ, собирали кости и пепелъ и клали въ урну, которыя дѣлались изъ стекла, глины, камня, мрамора и различныхъ металловъ. Положивъ останки покойника въ одну изъ такихъ урнъ, ихъ обливали душистыми маслами, виномъ и молокомъ, клали туда же одну мелкую монету и ставили урну въ помѣщеніе, устроенное въ гробницѣ. Слѣдовательно, сосѣдство мертвыхъ не причиняло вреда живымъ, и не удивительно, что между гробницами красовались восхитительныя виллы знатныхъ и богатыхъ римлянъ: дача Цицерона, знаменитаго римскаго оратора, вилла Арія Діомеда, одного изъ богатѣйшихъ помпейскихъ гражданъ, который погибъ во время катастрофы. Вилла Діомеда замѣчательна тѣмъ, что въ ея погребкахъ нашли 17 труповъ женщинъ и дѣтей съ съѣстными припасами различнаго рода. Ясно, что несчастныя искали спасенія отъ изверженія подъ крѣпкими сводами подвала, но пепелъ проникъ въ него, и несчастныя сознали опасность слишкомъ поздно, не могли уже выйти въ дверь, которая оказалась заваленной пепломъ. Всѣ трупы найдены лежащими, завернутыми въ свои покрывала, и на половину засыпанными. Самъ владѣлецъ дачи найденъ около двери сада съ ключемъ въ рукѣ, а около него рабъ съ мѣшкомъ золота и драгоценностей. Видно, что они искали спасенія въ бѣгствѣ и спасали свои богатства, но были застигнуты потоками лавы и дождемъ пепла. Всѣ замѣчательныя вещи этой дачи вывезены въ музей, а въ Гробничной улицѣ стоятъ однѣ только стѣны.

Изъ улицы Гробницъ мы возвратились въ городъ, прошли

улицу Меркурія, Абонденцію, перешли форумъ и спустились въ улицу Театровъ; она оканчивается другимъ форумомъ трехъ-угольной формы, который, со стороны моря, былъ застроенъ и примыкалъ къ театру.

Театровъ въ Помпеѣ было два,—одинъ большой, который мы и осмотримъ: онъ стоитъ на холмѣ и вмѣщаетъ въ себѣ болѣе 5,000 зрителей. Въ него входили по лѣстницѣ, ступени которой были сдѣланы изъ пароскаго мрамора. Ряды каменныхъ скамеекъ были расположены полукругомъ и съ низу вплоть до верху подымались уступами одни надъ другими. Ряды эти особенно устроенными лѣстницами раздѣлялись на нѣсколько отдѣленій. Всѣхъ рядовъ было три. Самые низшіе изъ нихъ (партеръ) считались самыми почетными, предназначались для должностныхъ лицъ и отдѣлялись отъ остальныхъ рядовъ, на которыхъ помѣщались всѣ прочіе классы зрителей, небольшой мраморной стѣнкою. Самые верхніе предназначались для женщинъ и плебеевъ, и отдѣлялись рѣшеткою. Въ верхней галлерей этого театра до сихъ поръ видно кольцо, къ которому прикрѣплялся занавѣсъ; онъ не подымался, подобно тому, какъ это дѣлается въ нашихъ театрахъ, но когда нужно было открыть сцену, стягивался книзу, а когда нужно было закрыть, то натягивался вверхъ. Театръ не имѣлъ кровли, зрители сидѣли подъ открытымъ небомъ. Отсюда видно море и дымящееся жерло Везувія. Впослѣдствіи надъ театромъ стали натягивать наметъ. Цезарь прислалъ помпеянкамъ шелковый наметъ, а Неронъ велѣлъ сдѣлать пурпуровый, вышитый золотомъ.

Для входа въ театръ получались билеты за самую незначительную цѣну; билеты эти были костяные или глиняные, на нихъ обозначались ряды и мѣста. При входѣ въ театръ, билетъ отдавался нарочно для того приставленному лицу, которое указывало посѣтителю его мѣсто. Зрители приносили съ собою подушки, чтобы сидѣть, или же просто свертывали свои тоги и садились на нихъ. Оркестра въ

римскихъ театрахъ не было, а мѣсто, гдѣ онъ долженъ былъ находиться, занималось важными сановниками, сенаторами и царствующими лицами. Сцена устроивалась на небольшомъ возвышеніи.

Извѣстно, что римляне въ своихъ представленіяхъ не допускали перемѣны мѣста дѣйствія—дѣйствіе должно было происходить все на одномъ и томъ же мѣстѣ; поэтому имъ не надобно было мѣнять декорацій и они устроивали въ своихъ театрахъ неподвижную декорацию *scena stabilis*. Въ помпейскомъ театрѣ декорация была сдѣлана изъ мрамора и камня и изображала красивую стѣну съ тремя дверями для входа и выхода актеровъ. На римскихъ театрахъ давались не однѣ трагедіи Софокла, Плавта, Эсхила и другихъ знаменитостей того времени, но давались различныя смѣшныя представленія, до которыхъ, замѣтимъ кстати, итальянцы и до сихъ поръ большіе охотники. Часто давались и мимическія представленія: выходили на сцену различные фокусники, акробаты, чревоущатели и паяцы, приводившіе зрителей въ неописанный восторгъ.

Мозаики, уцѣлѣвшія на стѣнахъ театра, могутъ дать понятіе о театральной обстановкѣ римлянъ. Одна изъ такихъ мозаикъ представляетъ хорета (режиссера), окруженнаго актерами и занятого репетированіемъ пьесы. Тутъ два актера наряжаются сатирами, позади ихъ стоитъ третій и надѣваетъ на себя какой-то желтый нарядъ. Лица всѣхъ актеровъ гримированы. Тутъ же, на стѣнѣ, видны изображенія всевозможныхъ шутовскихъ масокъ, употреблявшихся на сценѣ.

Оставивъ Театральную улицу и пройдя улицу Стабіи, мы остановились передъ храмомъ Изиды въ улицѣ того же имени. Дворъ храма окруженъ портикомъ, между колоннами котораго находится нѣсколько жертвенниковъ и яма, въ которую складывались остатки жертвоприношеній. Въ самомъ храмѣ, на главномъ жертвенникѣ, была найдена статуя богини Изиды—она хранится въ музеѣ. Подъ статуею

видна маленькая коморка, куда, по всему вѣроятію, пряталась жрица, произносившая оракульскій приговоръ вмѣсто богини. Говорятъ, что вредно долго оставаться около жертвенника, потому что недалеко отъ него выходятъ пары, производящіе головокруженіе. Итальянскіе крестьяне называютъ ихъ *siorette*. Эти-то пары приводили въ изступленіе пий, произносившихъ въ конвульсіяхъ безсвязныя слова, принимаемыя за пророчество. Стѣны храма покрыты изящными барельефами и вдоль ихъ открыты комнаты, гдѣ жили жрицы, что видно по найденнымъ въ нихъ трупамъ, и различнымъ яствамъ, стоявшимъ на очагѣ.

День былъ жаркій; мы утомились и не рѣшались идти къ амфитеатру, который находится на другомъ концѣ города, и куда надо идти чрезъ засѣянное поле подъ палящими лучами солнца. Да и сами проводники не очень то любятъ водить туда путешественниковъ, и потому мы рѣшились возвратиться назадъ къ турникету. Тутъ мы распростились съ нашимъ проводникомъ, котораго не могли ничѣмъ поблагодарить, такъ какъ матеріальной благодарности они не принимаютъ и за нее обижаются. Дружески пожали мы ему руку и я предложила ему пачку своихъ маленькихъ папиросъ, чѣмъ онъ остался очень доволенъ. Такихъ папиросъ за-границею нигдѣ нѣтъ и русскій табакъ всѣмъ очень нравится. Мы снова вошли въ гостиницу, отдохнули, выпили по стакану лимонада и въ той же коляскѣ отправились въ Кастеламаре и Соренто, дорога туда такъ хороша, что мы скажемъ о ней далѣе.

Е. Бороздина.

Соренто, 1844 года.

ЭПОДЪ. *)

БЛАЖЕНЪ, кто, удалясь отъ суетныхъ заботъ,
Средь мирныхъ деревень спокойно поселится,
И тамъ, въ поляхъ отцевъ, какъ древній смертныхъ родъ,
За плугомъ ходить онъ и весело трудится.
Завтра звукъ трубы его не пробудитъ,
Не угрожать морей разгнѣванные боги,
И робкая нога его не посѣтитъ
Надменной знатности высокіе пороги:
Но самъ онъ поутру проснется и пойдетъ
Въ аллеи темныя отеческаго сада
И тополь юную заботливо увѣтъ
Зеленой, гибкою лозою винограда;
Засохшіе сучки обрубить онъ ножемъ
И свѣжіе привѣтъ; въ обширную долину,
Гдѣ ходитъ смирный скотъ, онъ спустится потомъ
И узрѣть предъ собой веселую картину;
Иль станетъ выжимать изъ сота сладкій медъ,
Иль кроткихъ стричь овецъ. Когда жъ проходитъ лѣто
И осень съ полною кошницею идетъ,
Трясетъ колосьями и ждетъ его привѣта—

---

*) Эподами названы 18 стихотвореній римскаго поэта Квинта Горация, Фланна, какъ дополненіе къ его одамъ. Изъ одъ Горация переведены на русскій языкъ: А. И. Фетъ оду: ключъ Вендузіи. Ключъ этотъ находится въ шести миляхъ отъ Венузіи—на родинѣ Горация.

Къ Мекенату—другу Августа, покровителю искусствъ.

Къ Аполлону, которому былъ посвященъ храмъ въ воспоминаніе битвы при Акціумѣ, къ Дели, къ Луцінію Муренѣ.

Онъ въ садъ уходитъ свой и, тамъ уединенъ,
 Плоды поспѣлые рукой срываетъ жадной:
 И груши сладкія, и сливы, и лимонъ;
 И, ягоды съ лозы снимая виноградной,
 Тебѣ приносить ихъ, Сильванъ, тебѣ, Пріятъ!
 Потомъ ложится онъ въ тѣни дубовъ вѣтвистыхъ,
 На мягкой муравѣ—минутной нѣги рабъ—
 И пѣсни соловьевъ онъ слышитъ голосистыхъ;
 Зефиры ароматъ съ цвѣтовъ къ нему несутъ,
 По золоту песковъ ручьи вблизи бѣгутъ
 И къ тихимъ снамъ манитъ журчаньемъ сладкогласнымъ.
 Когда же зимній хладъ на землю шлетъ Зевесъ
 И снѣгомъ мертвыя долины одѣваетъ—
 Онъ снова нѣги чуждъ; онъ мчится въ дальній лѣсъ
 И ярыхъ вепрей тамъ со стаей псовъ гоняетъ,
 Свой духъ опасною забавой веселя;
 Иль, взявши крѣпкій лукъ, онъ часто журавля
 И зайца робкаго стрѣлою мѣткой ранитъ.
 Душа охотника веселіемъ полна;
 И воленъ, какъ орелъ. А добрая жена,
 Межъ тѣмъ какъ мужъ уйдетъ на ловлю въ путь опасный,
 Въ заботахъ проведетъ томительную ночь,
 Сабинка кроткая съ любовью неизмѣнной
 Иль смуглоликая долинь тибурскихъ дочь
 Зажжетъ Пенатамъ огнь въ тиши уединенной
 И станетъ ихъ молить, чтобъ мужъ издалека
 Пришелъ и здоровъ, и цѣлъ; а тамъ рукою нѣжной
 Она сосцы коровъ отъ сладкаго млека
 осушить, и вина съ заботою прилежной
 Въ сосуды нацѣдитъ; потомъ домашній пиръ
 Устроить, вѣрнаго супруга ожидая,—
 И вотъ ужъ дома онъ, и скромной хаты миръ
 Привѣтствуетъ, чело предъ Ларами склоняя,
 Садится ужинать, и кажется вкусна
 Простая трапеза, трудовъ его награда,
 И сладокъ нѣжный сокъ янтарнаго вина;
 Ловецъ вполне счастливъ: ему тогда не надо
 Лукринской устрицы, ни афрскихъ куликовъ,
 Ни жирныхъ рябчиковъ Іоніи счастливой!
 Лишь зелень вкусная, дитя родныхъ луговъ,

И мальвы, и лапоть съ здоровою оливой
Да жареный телець за трапезой его.
Потомъ садится онъ къ порогу низкой хаты
И смотреть въ дальній лугъ, и видить, какъ съ него
Тяжелые быки и рѣзвые ягняты
Спѣшать домой въ хлѣва. А тамъ, съ семьей своей,
Собравши злато жатвъ, сокровище полей,
Предъ хатой селянинъ за чарою смѣется,
И пѣсня звонкая въ ихъ кругѣ раздается.

Н. Бергъ.

ЦЕРКОВНЫЙ СТОРОЖЪ.

(Посвящается Вѣрочкѣ Аносовой).

ШЕЛЪ съ полей въ село. Солнце давно закатилось огромнымъ огненнымъ шаромъ и тихая майская ночь спустилась на родныя поля. Луна сіяла кроткимъ свѣтомъ и отражалась въ рѣкѣ. Порою въ кустахъ, наклонившихся надъ рѣкою, пѣлъ соловей. Облитая луннымъ свѣтомъ, вдали бѣлѣла церковь. Село заснуло. И среди этой благоговѣйной тишины, когда я подходилъ

ближе къ церкви, торжественно, величаво, какъ бы голосъ съ неба, пронеслись звуки церковнаго колокола и затерялись гдѣ-то далеко въ поляхъ...

„Это Архипычъ звонилъ“—подумалъ я—и въ моемъ воображеніи встала низенькая, сгорбленная фигура Архипыча съ слабыми глазами и прихрамывавшей ногой. Но сколько было въ этой невзрачной фигурѣ тепла, сколько дѣтской простоты и добродушія! Сколько было мыслей въ этой головѣ, покрытой старымъ военнымъ картузомъ! Не многіе это знали.

Я познакомился съ Архипычемъ годъ тому назадъ, когда пріѣхалъ на каникулы въ свою маленькую усадьбу. Меня

онъ очень занималъ. Я скоро съ нимъ сошелся и узналъ подробно его прошлое. Архипычъ былъ старый севастопольскій солдатъ, и тамъ получилъ контузію въ ногу, отъ которой всю жизнь хромалъ. Много онъ тамъ натерпѣлся въ Севастополѣ, и отъ начальства, и отъ враговъ! Часто рассказывалъ мнѣ старикъ, оживляясь и забывая рану, про страшные севастопольскіе дни и про удалаго адмирала Нахимова:

— И соколъ былъ, баринъ, Нахимовъ — покойничекъ. Такъ душа къ нему и льнула! орелъ!—хвалилъ его Архипычъ.

Больше всего мнѣ нравилась въ Архипычѣ вѣра,—такая чистая дѣтская вѣра въ благость Бога, что на душѣ становилось отраднo! И какъ онъ любилъ церковь, при которой служилъ четыре года, какъ дитя родное! Все что нибудь дѣлаетъ около нея: дорожки чистить, пыль съ ступеней сметаешь, садикъ маленькій расчищаетъ.

Какъ-то разъ, вскорѣ послѣ знакомства, я былъ у все-нощной и остался поговорить съ Архипычемъ. Онъ подметалъ церковный полъ.

— Любишь, Архипычъ, свою церковь? спросилъ я.

— Какъ не любить, баринъ! Ты глянь, какая благодать! А въ мужицкой курной избѣ-то какъ дышать? И Спаситель-то какъ смотреть весело!

Старикъ набожно перекрестился.

— Я ужъ отсюда не уйду—тутошній... Вонъ гдѣ и на покой улягусь,—сказалъ онъ, показавъ на виднѣвшееся изъ оконъ кладбище.

— Ну, ужъ ты и о могилѣ! Иль смерти испугался?

— Смерти я не боюсь, батюшка. Всѣ тамъ будемъ! А только гдѣ же, я говорю,—мужику облегченіе будетъ, какъ не въ храмѣ Божиѣмъ? Доля его—крестная, суровая,—всѣ имъ помыкають... Только Богъ не помыкаетъ. Тутъ надъ нимъ ни за смѣются, ни обругають... Тутъ онъ горе-то свое все выплачетъ...

Когда я поглядѣлъ, уходя изъ церкви, на глубокіе поклоны Архипыча, слышалъ его благоговѣйные вздохи — я вполнѣ съ нимъ согласился. Если бы не было этихъ храмовъ „печали и воздыханія“, гдѣ бы, правда, выплакать, облегчить свою крестную ношу.

Можетъ быть, эта теплая вѣра и выносливое солдатское сердце были причиною того, что Архипычъ кротко выносилъ свое горе. А у Архипыча было горе. Любимаго сына опять вызвали въ полкъ и онъ былъ за Дунаемъ. Побывъ онъ недолго въ отпуску и Архипычъ опять остался съ сыномъ Николаемъ. Николай былъ отчаяннѣйшій пьяница и бродяга. Въ пьяномъ видѣ онъ былъ грубъ и бивалъ даже старика. Село его не любило и думало исключить изъ своего общества. Но, протрезвившись, онъ не разъ кланялся въ ноги отцу и просилъ прощенія. И незлобивый старикъ прощалъ всегда.

— Обижаетъ меня Николай, баринъ,—да что же дѣлать? Вижу, и самому ему не въ моготу. Не отъ себя и пьетъ-то, я думаю, а бѣдность его искалѣчила. Авось, Батюшка-Спаситель исправитъ, смиростивится, говорилъ мнѣ старикъ спокойно.

Но когда рѣчь шла о кормильцѣ Иванѣ,—глаза Архипыча наполнялись слезами, а голосъ непривычно дрожалъ:

— Сынокъ хорошій онъ былъ... Мастеръ какой (Иванъ былъ сапожникъ).. Вотъ его сапоги: подарилъ мнѣ...

Архипычъ показалъ сапоги.

— По праздникамъ носишь?

— Да, берегу. Богъ его знаетъ,—можетъ, и память по немъ...

— Ну, старина, не бойся: не всѣ же умираютъ на войнѣ. И мои, вотъ, знакомые тамъ...

— Я не боюсь, сказалъ Архипычъ твердымъ голосомъ, умереть за вѣру непозорно. Лучше, чѣмъ какъ еще... Только пусть умретъ съ правдой... А я и одинъ помыкаю горе...

Старикъ уронилъ слезу на свои жесткіе усы...

Такъ вотъ каковъ былъ невзрачный Архипычъ, о которомъ я вспомнилъ, когда услышалъ звуки церковнаго колокола. Я рѣшилъ зайти къ нему на полчаса.

Дойдя до церковной ограды, я остановился у калитки.

— Кто тамъ? послышался знакомый голосъ.

— Свой человѣкъ, Архипычъ...

— А, батюшка-баринъ, я о тебѣ только-что думалъ...

— Что ты не ложишься-то? Пора!

— Да, вотъ, полночь отобью и лягу... Ужъ надо ваканцію доправить. А я къ тебѣ съ просьбой: почитай-ка письмо...

— Или отъ Вани получилъ вѣсточку?

— Да, батюшка, получилъ. Пойдемъ въ караулку, огарочекъ есть.

Мы вошли. Съ наръ неся храпъ.

— Кто это? спросилъ я.

— Да это мой Николашка. Сегодня, непутевый, взялъ сапоги Ивана и заложилъ въ кабакъ. Я ихъ выкупилъ. Теперь запряталъ, не найдетъ... Ну, а вечеромъ пришелъ пьянымъ... Куда мнѣ его гнать-то? Опять горемыку въ холодную засаждать... Пусть проспится!

Я прочиталъ старику написанное каракульками письмо сына. Онъ писалъ, что полкъ перешелъ Дунай и идетъ къ Плевнѣ. Командиръ его очень любитъ. Шлетъ онъ „батюшкѣ“ денегъ 3 рубля, пусть не побрезгаетъ. Сраженій у нихъ большихъ не было, а только маленькія стычки.

— Моему Ванѣ не сплеховать: съизмальства сынокъ былъ хорошій,—проговорилъ Архипычъ съ гордостью, когда я прочиталъ письмо.

Потолковавъ немного, мы распростились. Трогательная любовь Архипыча къ дѣтямъ, даже къ безпутному сыну напомнила мнѣ и другіе такіе же случаи изъ крестьянской жизни. И этой мужицкой любви могли бы позавидовать даже люди, живущіе въ раззолоченныхъ палатахъ. Какъ не любить крестьянину своего сына, когда онъ съ дѣтства мученикъ труда и подспорье семьѣ? Только нужда, горе портятъ

эти отношенія. Больше свѣта, больше довольства, и не будемъ мы слышать стоновъ въ мужицкихъ семьяхъ!

Звонко раздавались мои шаги, когда я шелъ домой. Звѣзды привѣтливо мигали съ темно-голубаго неба. Откуда-то неслась запоздавшая пѣсня. По дорогѣ скрипѣла извозицья телѣга. Такъ было чутко, такъ хорошо въ воздухѣ!

„Господи, подумалъ я, смотря на заснувшее село, Ты далъ такую чудную ночь уснувшимъ труженникамъ, пошли имъ скорѣе свѣтлые, привольные дни! Пусть не льется ихъ кровавый потъ на родную землю“!

Послѣ этого мы съ Архипычемъ не видались около двухъ мѣсяцевъ. Я гостилъ въ губернскомъ городѣ у товарища и вернулся домой только въ первыхъ числахъ августа. Пропшли дни первой Плевны и мнѣ очень хотѣлось знать о судьбѣ Ивана.

На другой день моего пріѣзда мы пили съ матерью вечерній чай. Я сидѣлъ у окна. Жара спала. Поле все убранось въ копна. Какъ часовые, сторожили они село. Ясное, безоблачное небо обѣщало хорошую погоду. По дорогѣ, пыль которой улеглась, шелъ кто-то къ нашему дому. Подошелъ ближе. Фуражка съ новымъ козырькомъ, Георгій на солдатскомъ сюртукѣ, а на ногахъ новые сапоги.

— Да это Архипычъ, взглядѣлся я, что онъ въ такомъ парадѣ?

— Ура, ваше благородіе, батюшка-баринъ! кричитъ мнѣ еще издали Архипычъ.

— Иди, иди скорѣе, что это ты расфрантился?

— Праздникъ у меня, родные, объявилъ Архипычъ, кланяясь мнѣ съ матерью. Вѣсточку радостную Господь послалъ. Вотъ, на-ка, почитай. Отецъ Иванъ мнѣ читалъ ужъ.

Архипычъ сунулъ мнѣ письмо.

— Мамаша, налейте Архипычу чаю! садись!

— Я постою, Иванъ Петровичъ.

— Какъ тебѣ не стыдно, старина, насъ стѣснятьсь? Садись, говорю.

Архипычъ сѣлъ.

— Спасибо, матушка-барыня, за крупицу и муку. Кабы не сынокъ да не добрые люди, помирать бы Архипычу пришлось...

Я прочиталъ письмо громко. Архипычъ въ это время то утиралъ рукавомъ слезу, набѣгавшую на глаза, то смѣялся и повторялъ:

— Да, да! Вотъ, сынокъ-то: не плошаетъ! Въ отца вышелъ, Георгія получилъ... Спасибо тебѣ, Матушка-Царица Небесная... И онъ набожно крестился.

Сынъ писалъ, что онъ здоровъ „чего и батюшкѣ жужаетъ“. Писалъ, что 19 іюля ходили къ Плевнѣ, что много „нашихъ“ побито, но его Богъ уберегъ и онъ получилъ Георгія. Командиръ его попрежнему любить. Въ концѣ онъ утѣшалъ отца надеждою на свиданіе: „побьемъ турка и придемъ на родину“.

— Давай сюда писульку-то! сказалъ Архипычъ, когда я окончилъ чтеніе сыновняго посланія.

— Зачѣмъ тебѣ она? Вѣдь, не читаешь?

— Все отъ сынка. Я ее спрячу.

И онъ бережно сложилъ запачканный листокъ. Архипычъ берегъ эти листки, какъ драгоценные сувениры.

Никогда я не видалъ старика такимъ сіяющимъ и радостнымъ, какъ въ этотъ вечеръ. Онъ помолодѣлъ на 10 лѣтъ. И рана на ногѣ его не тревожила. Посидѣли мы, потолковали до заката солнца. Архипычъ простился съ матерью, а я пошелъ проводить его до села и погулять.

Я возвращался домой веселый: душа радовалась за Архипыча. Свѣжій, пахучій воздухъ укрѣплялъ и бодрилъ. Въ сосѣднемъ лугу кричалъ коростель, въ воздухѣ беззвучно сновали ночныя птицы... Кроткій образъ Архипыча всталъ въ моемъ воображеніи... И когда я легъ на постель, отворилъ окно и взглянулъ на чудное небо усыянное звѣздами, въ

душѣ загорѣлась безмолвная молитва къ нему: „Посылай чаще несчастнымъ утѣшеніе и радости“!

Увы, бѣднаго старика я не видѣлъ уже послѣ такимъ веселымъ! Горе подкрадывалось къ нему и свалило горемыку...

Опять мнѣ пришлось долго не видѣть Архипыча: мы съ матерью ѣздили къ роднымъ въ далекую деревню. Мать скоро вернулась домой, а я загостился и пріѣхалъ только въ сентябрѣ. Увидѣвъ вдали бѣлѣвшуюся церковь, я вспомнилъ о старикѣ. „Что-то теперь случилось съ его Ваней“? подумалъ я.

Мать сообщила мнѣ про Архипыча грустныя новости. Онъ былъ у нея два раза. Солдатское мужество ему измѣнило: онъ плакалъ какъ ребенокъ, не получая давно вѣстей отъ сына. А слухи носились о большомъ сраженіи подъ Плевной. Мать прибавила, что старикъ болѣетъ и что хочетъ меня видѣть.

На другой день, въ субботу, я пошелъ ко всеобщей. Народу было мало. Архипыча я сначала не замѣтилъ.

— Гдѣ Архипычъ? спросилъ я церковнаго старосту.

— Онъ у насъ что-то заблажилъ, Иванъ Петровичъ. Вонъ, въ углу молится...

У образа Воскресенія Христа на колѣняхъ стоялъ Архипычъ. Губы его беззвучно шептали молитву. Крѣпко кладя крестное знаменіе, онъ ничего кругомъ не видѣлъ, кромѣ образа. По лицу старика струились слезы. Какое-то горе видимо пронеслось надъ нимъ, оставивъ глубокий слѣдъ. Когда кончилась служба, я повидался съ нимъ:

— Какъ поживаешь, старина?

Архипычъ махнулъ рукою.

— Я, что! Былина старая, мнѣ немного маяться... А вотъ сыночекъ-то...

— Пойдемъ, прочитай-ка мнѣ еще письмо... Господи, убери меня поскорѣе къ себѣ, произнесъ Архипычъ, подходя къ своей караулкѣ.

Письмо было написано сестрою милосердія. Она писала по просьбѣ больного Ивана Прохорова. Самъ онъ болѣнъ тифомъ и писать не могъ. „Теперь, писала сестра милосердія, онъ забылся, безъ памяти. Вчера просилъ вамъ написать, что какъ поправится, его отошлютъ на родину. Шлетъ 2 рубля. Доктора подають надежду“.

Чѣмъ дальше я читалъ, тѣмъ Архипычъ чаще и чаще утиралъ рукавомъ халата глаза. Подъ конецъ онъ заплакалъ какъ маленькій...

— Умираетъ въ больницѣ, далеко отъ родины, стоналъ онъ... Хоть бы послалъ ему Богъ храбрую смерть въ сраженіи... А то въ больницѣ, въ горячкѣ...

— Не гнѣви Бога, Архипычъ! Онъ выздоровѣтъ... А если и умретъ, то умретъ, какъ честный солдатъ...

— Не выздоровѣтъ, чувствуетъ сердце... Такъ меня томить, мочи нѣтъ...

Старикъ безпомощно опустился на лавку... Чѣмъ я могъ его утѣшить? Горе было слишкомъ глубоко.

Въ это время вошелъ Николай. Я удивился перемѣнѣ происшедшей съ нимъ: онъ былъ совершенно трезвъ, въ чистой холщевой рубашѣ. Старые опорки были вымазаны дегтемъ... Онъ поклонился мнѣ, молча сѣлъ на лавку и сталъ, какъ бы стыдясь, смотрѣть въ сторону. Старикъ при его приходѣ очнулся и обратился ко мнѣ. Голосъ его не звучалъ уже такъ печально.

— Господь милостивъ ко мнѣ еще, Иванъ Петровичъ. Передъ моимъ смертнымъ часомъ вотъ этотъ непутевый-то образумился... Ишь, Господь-то всѣхъ милуетъ... Послѣ завтра идетъ на заработки, на дорогу къ Ростову... Общество грозилось выслать, такъ вотъ самъ собрался...

А „непутевый“ сынъ сидѣлъ и какая-то мрачная дума томила его. Порой вырывался изъ его широкой груди тяжелый вздохъ...

Когда въ сумерки донесся до меня благовѣстъ колокола,

онъ звучалъ такъ жалобно и грустно, какъ будто это самъ Архипычъ плакалъ о больномъ горячкою сынѣ...

Черезъ день, въ понедѣльникъ, я пришелъ смотрѣть проводы „непутеваго“ сына. Николай весь день провелъ съ за-немогшимъ отцомъ и проявилъ такую кротость въ ухаживаньѣ за нимъ, что я ему за это простилъ все прошлое. Немного было словъ сказано, недолги были сборы Николая въ далекій путь. Широкія лапти на ногахъ, старая мужицкая одежда и небольшая сумка за спиной—вотъ и все, взятое имъ на дорогу, за поискомъ крестьянскаго счастья. Куда онъ шелъ, что его ждало,—онъ объ этомъ мало заботился...

Наступила минута разставанья. Два товарища Николая по пути съ палками въ рукахъ и съ котомками за плечами ждали его. Больной отецъ и исправившійся „непутевый“ сынъ разставались, можетъ быть, на вѣки. Минута и отрадная, и страшно тяжелая!

— Прощай, батюшка, не поминай лихомъ! проговорилъ со слезами Николай и бросился отцу въ ноги...

— Эхъ, Николай, Николай! Прощай, непутевый! Сердце-то у тебя доброе, да характеръ слабъ.. Прощай, ужъ тутъ мы съ тобой не увидимся...

Они обнялись.

— Батюшка, не прокляни, благослови на дорогу! Не кляни безпутаго сына...

— Что ты, Богъ съ тобой, съ кроткимъ упрекомъ проговорилъ старикъ, стану я сына проклинать! Я и самъ грѣшенъ, а въ человѣкѣ только Спаситель воленъ... На, вотъ, крестъ, не забывай отца, исправляйся...

Онъ отдалъ одинъ изъ своихъ крестовъ Николаю.

Я отвернулся при этой трогательной сценѣ къ окну и боялся бросить взглядъ на нее: чувствовалъ, какъ слезы подступали къ горлу.

Наконецъ, отецъ и сынъ разстались. Медленно пошли путники по большой дорогѣ и затерялись въ облакъ пыли...

Много безотраднѣхъ мыслей пронеслось у меня по дорогѣ къ дому... Одинъ, какъ перстъ, былъ Архипычъ... А въ будущемъ новое горе ждало: извѣстіе о смерти Ивана. Силы старика съ каждымъ днемъ падаютъ, съ каждымъ днемъ онъ безпомощнѣе, а гдѣ искать опоры?

И хорошо еще, что онъ пріютилъ свою разрушавшуюся жизнь около вѣчно молодой и сильной Божіей церкви, около „кроткаго лика“ Спасителя, какъ говорилъ старикъ. Эта беззавѣтная вѣра дастъ ему силы перенести несчастія. Онъ выплачетъ свои горячія слезы на холодныхъ плитахъ Божьяго храма и, облаченный, заснетъ въ своей конурѣ...

Когда я подошелъ къ дому, собралась гроза. Галки и вороны пугливыми стаями носились въ воздухѣ. Вѣтеръ гнулъ высокія сосны нашего сада. Немного погода, какъ я вошелъ въ домъ, гдѣ меня встрѣтила добрая мать, разразился страшный ливень.

Хорошо тому, кто въ грозу можетъ укрыться въ уютномъ домикѣ, подъ крылышкомъ любящей матери!

Черезъ недѣлю я уѣзжалъ въ Петербургъ. Заѣхалъ проститься съ Архипычемъ. Онъ съ грустью провожалъ меня:

— Больно привыкъ къ тебѣ, какъ къ сыну! заявилъ онъ. Старикъ совсѣмъ осунулся и еле взлѣзалъ на колокольню звонить. Отъ сына онъ каждый день ждалъ вѣсточекъ и каждый день ковылялъ за справками въ волостное правленіе.

— Прощай, Архипычъ, до будущаго мая!

— Прощай, только приходи видаться вонъ туда! Онъ указалъ на кладбище.

— Ты все шутишь, старина! попробовалъ я засмѣяться, хотя чувствовалъ, что онъ былъ правъ.

Мы простились.

Въ слѣдующемъ году, въ концѣ мая, я былъ въ родной деревнѣ, но Архипыча не засталъ уже въ живыхъ. Онъ, не получая вѣсти отъ Ивана, таялъ, какъ свѣча, день за днемъ,

и умеръ, спустя два мѣсяца послѣ моего отъѣзда. Письмо о смерти сына Ивана пришло когда старикъ уже умеръ. О Николаѣ не было ни слуху, ни духу...

И когда я, вечеромъ въ первый день пріѣзда, услышалъ старый колоколь, воскресъ въ моей памяти симпатичный образъ покойника-старика. Теперь звонилъ уже другой сторожъ, а могила Архипыча затерялась среди другихъ безымянныхъ могилъ...

„Сколько, думалъ я, здѣсь лежитъ такихъ же, какъ Архипычъ, кроткихъ страдальцевъ! Всѣ они съ терпѣніемъ несли свой крестъ; съ теплою вѣрою, безъ боязни, переходили къ вѣчности! И всѣ теперь пріютились подъ голубымъ, чуднымъ небомъ, подъ ясными звѣздами, гдѣ всѣмъ одинаково лежится: богатымъ и бѣднымъ“...

Изъ села донеслася пѣсня такая заунывная, какъ заупокойное пѣніе. Я стеръ набѣжавшую невольно слезу...

В. Огарковъ.

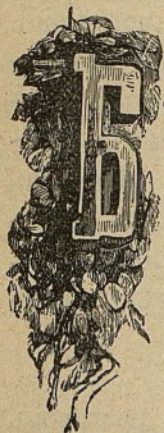

КОРАЛЛОВЫЙ ОСТРОВЪ НА ТИХОМЪ ОКЕАНѢ.

XXI.

Игры туземцевъ.—Старый другъ.

ВЛИЗКО отъ берега играли группы дѣтей. Я усѣлся на дернъ подъ тѣнь платана. Нѣкоторые изъ мальчиковъ пускали змѣевъ; змѣи ихъ отличались отъ нашихъ шарообразной формой, они были сдѣланы изъ тонкой ткани и поднимались на нитяхъ изъ кокосовой коры. Главный же забавой дѣтей обоего пола было поразительное искусство плавать и нырять. Они бросались въ море съ подмостковъ, выстроенныхъ въ глубокомъ мѣстѣ, и плавали въ обгонку. Нѣкоторые изъ нихъ опускались въ страшную глубину, другія плавали по поверхности, кувыркались на водѣ, какъ дельфины, ныряли одинъ за другимъ и въ глубинѣ, схватившись за руки, показывались на поверхности. Вода въ Тихомъ океанѣ до того тепла, что они могли оставаться въ водѣ сколько хотѣли; даже малютки, едва умѣвшія ходить, добирались до берега, смѣло бросались въ море, барахтались и плескались въ немъ, какъ утята.

Другой игрой было плаваніе на бурунѣ. Этой игрѣ предавались дикари всѣхъ возрастовъ. Каждый пловецъ бралъ въ руки короткую доску, съ которой отплывалъ отъ берега и взбирался на вершину буруна.

Берегъ, на которомъ я находился, соединялся съ коралловымъ рифомъ и буруны вмѣстѣ съ пловцами съ грохотомъ падали къ ногамъ стоявшихъ у берега. Пловецъ, увидя приближающуюся волну, взбирался на ея бѣлый гребень и, налегши грудью на доску, неся съ ея вершины къ берегу, достигши котораго, былъ встрѣченъ восторженными криками зрителей. Самые смѣлые въ пѣнѣ и брызгахъ выплывали на берегъ, а другіе, схвативши доску руками, снова плыли въ море, чтобы повторить забаву. Одинъ изъ выплывшихъ на гребнѣ волны выскочилъ на берегъ почти подлѣ меня; по его головному убору я догадался, что это начальникъ — гость. Морская вода смыла краски съ лица его и когда онъ, задыхаясь, всталъ на ноги, я, къ крайнему своему удивленію, узналъ въ немъ Тараро, моего стараго друга съ Коралловаго острова. Тараро также узналъ меня, быстро приблизился, обнялъ и мы потерялись носами. Потомъ, вѣроятно, вспомнивши, что бѣлые люди не такъ привѣтствуютъ другъ друга, схватилъ меня за руку, крѣпко пожалъ и потрясъ ее.

— Эге, Ральфъ! закричалъ Билль съ удивленіемъ, никакъ старый знакомый.

— Знакомый, отвѣчалъ я.

Между тѣмъ Тараро вступилъ въ оживленный разговоръ съ Биллемъ, часто указывая на меня; изъ этого я понималъ, что онъ рассказываетъ о достопамятной битвѣ и объ участіи, которое мы въ ней принимали. Когда Тараро остановился, я попросилъ Билля спросить его объ Аватеѣ.

Лишь только Билль упомянулъ это имя, лицо начальника омрачилось и въ голосѣ послышалось негодованіе.

Тараро сказалъ Биллю, что Аватея не фиджейка, а самоанка; что онъ захватилъ ее три года тому назадъ во время войны и держалъ у себя какъ родную дочь.

— Отчего же Тараро хмурится? сказалъ я.

— Дѣвушка отказалась выйти замужъ за начальника сосѣдняго острова, за котораго онъ предлагаетъ ей, потому что она уже невѣста одного молодаго начальника, котораго Тараро возненавидѣлъ. Въ настоящее время Тараро отправляется на шесть мѣсяцевъ въ походъ и говоритъ, что если она къ его возвращенію не одумается, то онъ отправить ее къ предлагаемому ей жениху въ видѣ длинной свиньи.

— Въ видѣ длинной свиньи! значить на съѣденье?

— Конечно, на съѣденье.

— Что же она здѣсь, на островѣ? спросилъ я быстро.

— Нѣтъ, она на островѣ Тараро, отвѣчалъ Билль. Островъ этотъ лежитъ въ десяти миляхъ отсюда на югъ, но я...

Разговоръ нашъ былъ прерванъ криками: акула! акула!

Послѣ плаванья начался между дикарями рядъ кулачныхъ схватокъ и рукопашныхъ боевъ.

Во время этихъ игръ и увеселеній я всматривался въ дикарей и былъ пораженъ красотой многихъ рисунковъ и изображеній татуированныхъ на тѣлахъ начальниковъ и другихъ туземцевъ, особенно одинъ рисунокъ показался мнѣ чрезвычайно изящнымъ, онъ изображалъ вдоль ноги дикаря пальму. Впослѣдствіи я узналъ, что татуированье начинается съ десятилѣтняго возраста и продолжается до тридцати лѣтъ.

Татуируютъ инструментомъ изъ кости со множествомъ острыхъ зубцовъ, которыми накалывается кожа. Въ наколы втирается составъ, приготовленный изъ ядра свѣчнаго орѣха и кокосоваго масла; такимъ образомъ рисунки остаются не изгладимыми. У нѣкоторыхъ изъ начальниковъ рисунки были расположены вдоль ноги, въ родѣ узкихъ панталонъ, у другихъ на ступняхъ и подошвѣ рисунки походили на изящные сапоги; лица и грудь были изукрашены изображеніями насѣкомыхъ, собакъ, птицъ, свиней, челноковъ и дубинъ; къ нимъ примѣшивались цвѣты, квадраты, круги и разныя фантастическія изображенія.

Женщины были не такъ сильно испещрены, какъ мужчины. Татуировка отчасти маскируетъ наготу.

На слѣдующій день, возвращаясь изъ лѣсовъ на нашу шкуну мимо дома Роматы, мы увидали, что онъ бѣгаетъ около него, какъ разъяренный звѣрь.

— А! сказалъ Билль, вѣрно выпилъ лишнее или капитанъ угостилъ водкой.

Возвратясь на шкуну и расхаживая по палубѣ, я долго думалъ обо всемъ, что видѣлъ и о своемъ безотрадномъ положеніи.

XXII.

Совѣщаніе.—Рѣшеніе.—Нападеніе.—Бѣгство.—Спасеніе.

На слѣдующее утро я проснулся съ чувствомъ унынія, думая о своей несчастной судьбѣ и сознавая свою безпомощность, помолился Всемогущему, чтобы Онъ освободилъ меня изъ этого ужаснаго положенія; молитва ободрила меня.

Когда матросы готовились отправиться въ лѣсъ, я попросилъ у капитана позволеніе мнѣ остаться на шкунѣ; онъ былъ не въ духѣ и отказалъ. Между имъ и Роматой возникли какія-то недоразумѣнія. Ромато грозился выставить военный флотъ, разрушить и сжечь шкуну, на это капитанъ насмѣшливо улыбнулся и, указывая на пушку, сказалъ: подниму мизинецъ и деревня твоя въ пять минутъ взлетитъ на воздухъ. Ромато былъ не изъ робкихъ, но содрогнулся отъ угрозы пирата, промолчалъ; съ обѣихъ сторонъ образовалось непріязненное чувство.

Когда я собрался идти съ дровосѣками въ лѣсъ, капитанъ меня позвалъ къ себѣ и сказалъ:—возьми одного изъ матросовъ, который говоритъ на туземномъ языкѣ, иди къ Роматѣ, кланяйся ему отъ меня и передай въ подарокъ эти шесть бѣлыхъ китовыхъ зубовъ и два такіе же зуба, окрашенные въ ярко-красный цвѣтъ. По пути къ дому начальника, сопровождаемый Биллемъ, я выразилъ удивленіе относительно такого ничтожнаго подарка.

— Они ничтожны для тебя и для меня, но эти молодчики цѣнятъ ихъ очень высоко, особенно краснаго цвѣта. Китовые зубы замѣняютъ у нихъ монету.

Войдя въ домъ Роматы, мы нашли его сидящимъ на циновкѣ среди свертковъ туземной матеріи и разныхъ вещей, привезенныхъ ему въ подарокъ подчиненными и начальниками другихъ племенъ. Онъ принялъ насъ надменно, но когда Билль объявилъ ему о цѣли нашего порученія и представилъ китовые зубы, то онъ, махнувъ рукою, сказалъ:

— Скажите вашему капитану, пусть рубить дерево сегодня, а завтра нельзя, прежде мнѣ надобно повидаться съ нимъ.

Когда мы вышли изъ дома Роматы, Билль замѣтилъ:

— У этого чернаго что-то недоброе на умѣ, я его знаю давно.

Пока онъ говорилъ это, въ лѣсу послышались смѣхъ, крики и показалась толпа дикарей. Они несли на плечахъ шесты, а на шестахъ были привязаны люди, связанные по рукамъ и ногамъ.

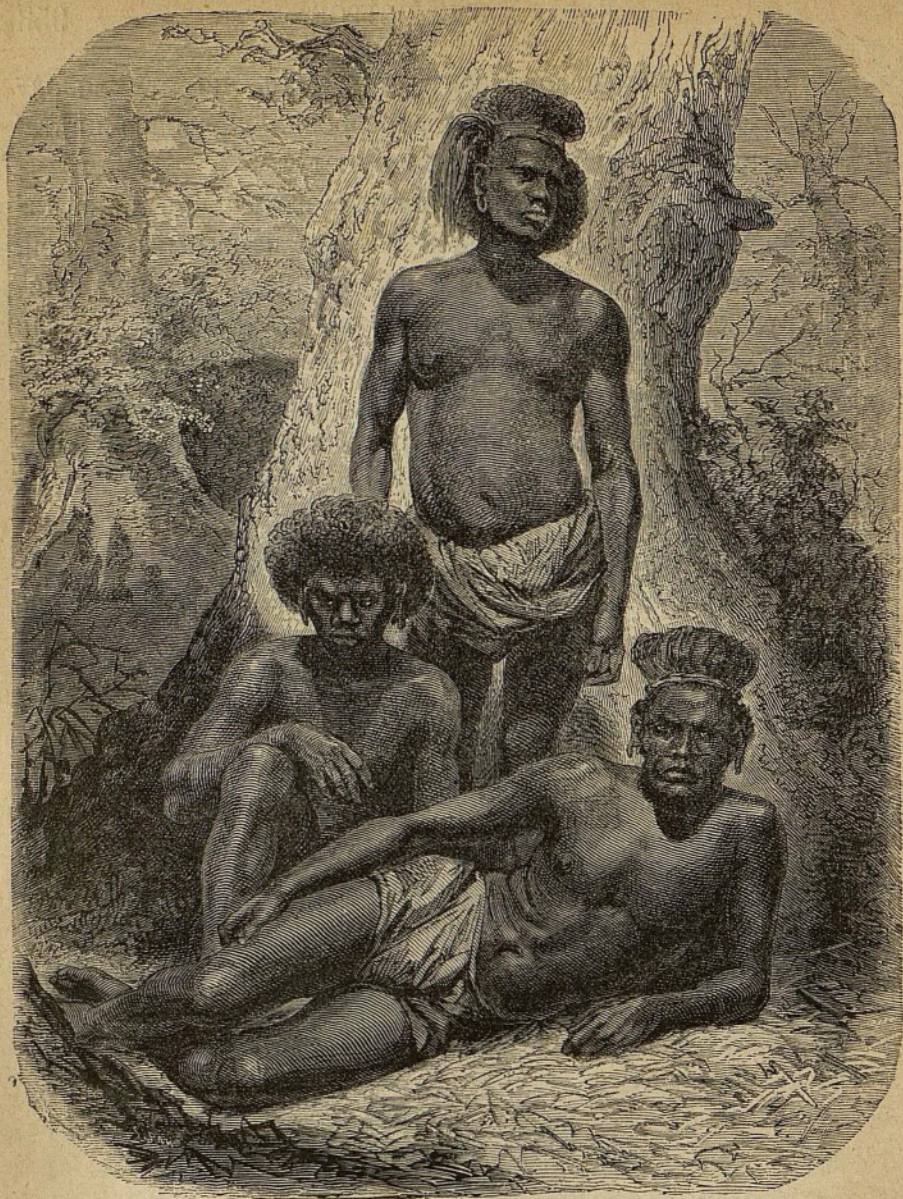
— Ральфъ, сказалъ Билль, пойдемъ за этими черными, посмотримъ, что они будутъ дѣлать.

А. С—ва.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДИКІЕ ОСТРОВОВЪ ТИХАГО ОЦЕАНА.

Редакторъ-издательница **Т. ПАСЕКЪ.**

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 августа 1882 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.